рованы, основаны на анализе большого конкретного социолого-этнографического материала, что позволяет экстраполировать их на более широкий регион, чем выбранный автором для непосредственного изучения. Работа написана живым образным языком. Книга Г. В. Жирновой полезна и для ученых, которые будут продолжать работу в этой области, и для преподавателей, и для практических работников, ведущих работу по атеистическому воспитанию молодежи, по созданию новых, безрелигиозных обрядов. В том, что исследование получилось по-настоящему содержательным и завершенным, несомненно, велика заслуга ответственных редакторов книги М. Г. Рабиновича и М. Н. Шмелевой, взявших на себя нелегкий труд подготовки к печати работы безвременно умершей Г. В. Жирновой. В этой рецензии хотелось бы выразить им искреннюю благодарность читателя и рецензента.

Г. А. Носова

Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск, 1979, 303 с.

Рецензируемый сборник — первая книга из серии русских волшебных сказок, издаваемой Сибирским отделением АН СССР. В нее вошли 30 текстов, записанных с середины прошлого века по настоящее время (12 — в Западной Сибири и 17 — в Восточной, один — на Дальнем Востоке). Шесть текстов ранее не публиковались. Основу или часть многих сказок составляет разнообразно варьируемый сюжет «Победитель змея» (тип 300 по указателю Аарне-Томпсона). С ним традиционно, а также своеобразно контаминируются популярные волшебно-героические сюжеты русского репертуара «Змееборство на мосту» (АТ 300А), «Подземные царства» (АТ 301) и ряд других. Самостоятельно сюжет о победителе змея детально разрабатывается в сказке, недавно записанной от И. Т. Загребнева в Тункинском районе Бурятии (текст № 9). В таком виде он встречается редко. Большинство текстов сборника — это сплавы нескольких сюжетов, и некоторые имеют очень сложную структуру, например № 1, 2, 15. Объем каждого из них от 2,5 до 3,5 печатных листов.

Среди произведений сборника, свидетельствующего о высоком уровне художественного развития сибирской богатырской сказки, бытующей устно и поныне, выделяются шедевры таких известных народных сказочников, как Е. М. Кокорин-Чима (№ 1, 7), А. И. Кошкарев-Чирошник (№ 2), Е. И. Сороковиков-Магай (№ 5), А. С. Кожемякина (№ 13), В. Я. Бекетова (№ 16). Их репертуар, стиль и мастерство неоднократно освещались в специальных исследованиях и статьях фольклористов, в том числе и составителя рецензируемого сборника [1]. Сказки Чимы, Чирошника и Магая вошли в антологию М. К. Азадовского [2]. Изданы две книги сказок Магая [3] и две книги сказок Кожемякиной [4]. Опубликованные теперь вместе лучшие сказки о богатырях Сибири дореволюционного и советского времени обогащают научные представления о самобытной локальной традиции героического жанра восточнославянского сказочного эпоса, о ее современном состоянии и становятся достоянием массового читателя. Изданные стотысячным тиражом, они разошлись очень быстро.

Своеобразие сибирских богатырских сказок на традиционные сюжеты русского национального репертуара заключается в том, что под воздействием конкретной сибирской действительности и окружающей среды сказочники насыщают повествование колоритными подробностями местного быта, психологически мотивируют развитие действия, поступки персонажей, живо изображают их облик, сочетают воедино фантастическое с реальным, близко им знакомым, и тем самым придают сюжетной ткани жизненную цельность.

Сибирский колорит отчетливо ощущается не только в бытовых деталях повествования, но и в обрисовке облика героя, например в сказке «Богатырь Кожемяка» (№ 6) омского колхозника А. К. Куликова на сюжет, напоминающий летописные рассказы о юном кожемяке, победителе великана-печенега («Повесть временных лет»), или о силаче Яне Усмошевце (Никоновская летопись), известном по близким в жанровом отношении к местным преданиям сказкам о змееборстве из сборников Афанасьева, Чубинского, Кулиша, Новосельского, Шухевича, Шейна, Романова. «Огромный и страшный»

---

[1] *Р. П. Матвеева.* Творчество сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. Новосибирск, 1976; а также ее статьи о других сибирских мастерах сказки.

[2] «Русская сказка. Избранные мастера». Редакция и комментарии М. К. Азадовского, т. I, II. М.— Л., 1931, 1932.

[3] «Сказки и предания Магая». Л., 1940, Улан-Удэ, 1968.

[4] Сказки Омской области. Записаны И. С. Коровниковым от А. С. Кожемякиной. Ред. Н. А. Каргополов. Новосибирск, 1968; Сибирские сказки. Записаны И. С. Коровниковым от А. С. Кожемякиной. Ред. Н. А. Каргополов. Изд. 2-е дополн. Новосибирск, 1973.

Кирила Кожемяка сибирской сказки работает на своем собственном маленьком заводе («такой дом..., для одной семьи») и рисуется угрюмым промысловиком. Обратив в комментарии на это внимание, Р. П. Матвеева отметила, что «в сказке нашло отражение распространенное в Сибири кустарное производство» (с. 282). Такая трактовка образа Кожемяки связана с тем, что ныне повествование о нем окончательно утратило жанровые особенности местного предания и обрело стиль обычной волшебной сказки о змееборстве с ее типическими формулами («Биться или мириться? — Биться!»). Насчитывается всего 12 опубликованных фольклорных вариантов сюжета о богатыре Кожемяке. Сибирский ближе всего к украинским, особенно к сказке «Кирило Кожемяка» из сборника Чубинского [5]. И это примечательно: в Сибири много селений, жители которых являются потомками украинских переселенцев, поэтому в относительно часто встречающейся близости русских сибирских сказок к украинским тоже заключается своеобразие фольклора Сибири.

Существенной особенностью русских сказок Сибири, как справедливо отмечено во вступительной статье, следует считать отражение в их содержании и форме взаимодействия бытовых и фольклорных традиций русского и многоязычного коренного населения обширного края. Весьма примечательны в данном отношении богатырские сказки «Иван Кобыльников сын» Е. М. Кокорина-Чимы, крестьянина с. Кежма на Ангаре, (№ 7) и «Ворон», записанная от «уроженца села Русское устье» Нижнеколымского района Якутии в конце 60-х годов прошлого века И. А. Худяковым (№ 27). В первой из них есть колоритные подробности, связанные с тунгусскими обычаями, которые отчасти переняли русские ангарцы: богатыри охотятся в тайге и ставят («доспевают») на поляне общую юрту, живут в ней со своими женами — тремя семьями; неверные товарищи героя «карают» его жену, заставляя возить на себе нарту, нагруженную шестами; богатыри-охотники «перо и шерсть в кучу копят», спят на морозе, зарывшись в шерсть или в перья; тело умершего тунгуса хранится некоторое время в «лабазе». Вместе с тем в этой сказке проявляется влияние поверий и фольклора тунгусов: кобыла чудесно беременеет от того, что погрызла колено мертвого тунгуса, и рождает богатыря Ивана Кобылина сына; мать-кобыла оживляет убитого Ивана и его товарищей, выносит его на белый свет из «змеиной ямы», что не имеет сюжетных параллелей в других русских сказках типа АТ 301, к которому она примыкает. По поводу чудесного рождения богатыря, сына кобылы и мертвеца, А. А. Макаренко, записавший в 1896 г. от Чимы сказку, заметил: «Что-нибудь подобное ангарцы могли слышать от ангарских же тунгусов» [6], а Р. П. Матвеева, комментируя необычную для русских сказок активную роль кобылы в судьбе сына-богатыря, высказала предположение, что «возможно, этот эпизод является отзвуком каких-то первобытных верований тунгусов, а возможно, перешел из фольклора других народов Сибири» (с. 282).

В сказке «Ворон» не только встречаются черты быта, характерные для якутских охотников (похитивший сестру и сгубивший братьев героя огромный Ворон обитает в юрте, его пленница там «мамины мешочки трясет», «лежит на уруне» — якутских нарах; богатырь якутским «лучком-тамарчиком постреливает»), но и ощущается воздействие на ее стиль якутского языка: смешение грамматических родов, падежных форм, произнесение вместо звуков «ж», «ц» звука «с», а вместо «е» — «я» («Сдали — сдали: брат все-то ниту», «Сар опеть молебны служит», «Этим пастушкам дояхал, говорит») и т. п. В то же время здесь, как и в сказке Чимы, употребляются традиционные восточнославянские стилистические формулы, постоянные эпитеты («Фу; долго спал, бодро встал!», «Чистое поле, широко раздолье...» и др.). Безусловно, под влиянием якутских сказок или олонхо, в которых могучий Ворон выступает в роли культурного героя, произошла замена в русской богатырской сказке типа «Катигорошек» (АТ 312 Д) традиционного для нее змея Вороном. Данный сюжетный тип в связи с этим, а также с перенесением действия в бытовые условия Якутии настолько деформировался, что даже не был опознан Р. П. Матвеевой, и она в комментарии ошибочно приняла сказку «Ворон» за вариант сюжета типа АТ 301 — «Подземные царства».

Столь же неслучайна и неточность, допущенная в комментарии к сказке «Иван Кобыльников сын». В ней под влиянием окружающей бытовой обстановки и тунгусского жизненного, фольклорного материала творчески мыслящий сказочник деформировал сюжет типа 301 В настолько глубоко, что в комментарии сказка получила нечеткое странное определение. По мнению Р. П. Матвеевой, в ней «частично использованы сюжеты о змееборстве и о двух братьях (АТ 301, 303)» (с. 282). На самом деле в данной сказке нет никаких следов сюжета типа 303 — «Два брата». Стержневым, т. е. основным, является № 301, хотя в нем опущены отдельные сюжетные звенья, а некоторые образы и мотивы преображены.

В лучших сибирских сказках, таких, например, как «Иван царской сын золотых кудрей» и «Иван Кобыльников сын» Чимы, черты, типичные для локальной и для общенациональной русской сказочной традиции, связаны нераздельно. Вместе с тем данные сказки являются глубоким проявлением личного творчества. По справедливому определению М. К. Азадовского, Чима должен быть отнесен к сказочникам-эпикам — храни-

---

[5] *П. П. Чубинский.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край..., т. II. СПб., 1878, № 45.

[6] «Живая старина», 1912, кн. II—IV, с. 356.

телям старой волшебной сказки и сказочной обрядности, хотя его сказки очень ярко выделяются оригинальной психологической разработкой традиционных образов и сюжетов («Царь-девица», «Кощей Бессмертный», «Подземные царства» и др.). Именно поэтому М. К. Азадовский причислял замечательную драматизмом и психологизмом сцену встречи Ивана Кобылина с его несчастной верной женой после разлуки к лучшим страницам русской сказочной поэзии[7]. Совершенно по-другому, но тоже удивительно органично сочетаются традиционное и личное творческое начала в сказке «Кузнец Самойло» Магая. Оригинальная по сюжетной структуре, она мастерски соткана из очень древних и совсем новых мотивов, отличается традиционной эпической монументальностью и необычайной психологической трактовкой образа могучего богатыря.

Сборник «Русские народные сказки Сибири о богатырях» может служить благодарным материалом для изучения особенностей современных процессов народного русского сказкотворчества. Характерным примером современной жанровой трансформации классической сказки в авантюрно-фантастическую повесть является сказка А. Кожемякиной «Ополон-царевич» (№ 13), сочетающая оригинально обработанный сюжет «Незнайко» (АТ 532) с мотивами новеллистических сказок. Живость разговорного слога Кожемякиной связана с яркостью используемых сказочницей традиционных средств стилистической выразительности. В комментарии сказано: «В основе сказки распространенный сюжет «Победитель змея»» (с. 287). Это не так. В сказке Кожемякиной нет ничего общего с сюжетом «Победитель змея».

Впервые опубликованных сказок в сборнике немного, но они ценны в научном отношении и представляют значительный художественный интерес, например «Иван-царевич и Боба-королевич» (№ 15) недавно умершего 87-летнего баргузинского сказочника А. А. Хлескина. Главную часть этого обширного повествования представляют превосходно разработанные сюжеты «Медный лоб» (АТ 502) и «Победитель змея» (АТ 300), традиционно контаминируемые, а заключительной частью является не вполне цельно с ними сочетающийся и неполно развернутый сюжет «Неумойка» (АТ 361). Р. П. Матвеева в комментарии допустила досадную ошибку, утверждая, что «в основе первой части сюжет, не отмеченный в Указателе» (с. 288). По-видимому, комментатора ввела в заблуждение необычайная красочность данного варианта сюжета «Медый лоб» — теперь 36-го в опубликованном русском сказочном материале и 2-го в сибирском (ср. вариант в сборнике сказок А. Кожемякиной 1973 г., с. 11—29). Примечательно, что в сказке Хлескина в роли Медного чудовища (Медного лба) выступает Черный ворон. Вероятно, такая замена произошла под влиянием бурятских или якутских сказок, в которых демонический Черный ворон фигурирует нередко в качестве положительного персонажа. Творчески самобытно, органично контаминированы мотивы сюжетов «На службе в аду», «Царь-девица» и «Победитель змея» в сказке «Все равно хуже не будет» (№ 25), записанной в 1969 г. Р. П. Матвеевой в Приморском крае.

Введением ко всей многотомной серии служит статья «Русские сказки Сибири» (с. 3—34). В ней освещаются социально-исторические условия и этнические отношения, определившие бытование русского сказочного эпоса в Сибири; рассматриваются особенности устной сказочной традиции и причины ее сохранности, подчеркивается роль выдающихся сказочников; дается краткий обзор деятельности собирателей и исследователей сибирских сказок за целое столетие. Сосредоточив внимание на том, как многообразно в волшебных сказках выражен сибирский колорит, Р. П. Матвеева в статье и особенно в комментариях приводит очень много верных наблюдений. В комментариях указываются сюжетные типы сказок, характерные для локальной традиции сочетания сюжетов и отдельных мотивов, особенности стилистической формы. Но при этом допускаются ошибочные утверждения и неточности. Так, в комментарии к сказке Антона Чирошника «О трех братьях» (№ 2), в которой есть выразительные пейзажные зарисовки сибирской тайги, сделан необоснованный вывод о том, что не свойственное сказкам Европейской части России изображение картин природы является будто бы «традиционным для сибирского этноса». Однако Чирошник, от которого сказки были записаны в 1927 г.,— это «сказочник-книжник». Его пейзажные зарисовки, навеянные чтением, не имеют близкого соответствия в опубликованном сибирском сказочном материале. Но они напоминают пейзажные зарисовки в сказках ряда известных народных восточнославянских сказочников западной части страны, опубликованных в XX в. В сказках неграмотного белоруса-полещука Редного, опубликованных в сборниках Сержпутовского (1911, 1926), встречаются более развернутые, чем у Чирошника, лиричные картины родной природы. И в этом заключается характерная для XX в. новизна, а не традиционность сказочного стиля. В комментарии к № 30 отмечается, что сюжет «Бой на калиновом мосту» в сибирских вариантах встречается чаще всего в соединении с сюжетом «Шесть чудесных товарищей». Но разве такая контаминация в меньшей мере характерна для восточнославянских вариантов других регионов? Нисколько! Подобное же неосновательное заключение о том, что для сибирских вариантов характерно соединение сюжета «Чудесная птица» с сюжетом «Два брата», сделано в комментарии к № 20. Указанная контаминация характерна для всего восточнославянского сказочного материала, а не только для сибирского и встречается также в сказках неславянских народов СССР, например татар и башкир. В комментарии к № 29 отмечается, что «сказка «Запечный Искр» имеет ряд своеобразных моментов, например двенадцать кузнецов не убивают

[7] «Русская сказка. Избранные мастера», т. I, с. 222.

бабу-ягу, а заставляют ее превратиться в кобылицу и служить герою...» (с. 293). Однако указанные эпизоды сюжета «Змееборство на мосту» вполне традиционны для восточнославянских вариантов данного сюжета, они встречаются в десятках опубликованных русских, белорусских и особенно украинских вариантов, а также известны по западнославянским и балканским сказкам данного типа. В комментарии к № 21 неверно указано, что в сказке «Иван крестьянский сын» «сюжет „Победитель змея" повторяется дважды» и что «в сказке переплетается множество мотивов из других сюжетов» (с. 290). Здесь контаминируются только два сюжета — «Три подземных царства» (АТ 301), который является основным, и «Победитель змея» (АТ 300 — он не повторяется). Никаких других, тем более «множества мотивов из других сюжетов», в этой сказке нет. Такого рода неточности имеются и в некоторых других комментариях. Но все это частности, и они связаны с широтой освещения вопросов изучения своеобразия русских сказок Сибири.

Научный аппарат издания кроме комментариев составляют словарь малоупотребительных слов и ряд указателей, облегчающих изучение сказочных текстов.

Выход в свет «Русских народных сказок Сибири о богатырях» — отрадное событие не только для фольклористов и этнографов, но и для всех любителей народного художественного творчества.

Данным сборником не ограничится публикация сказок о богатырях в многотомной сибирской серии сказок. Только что вышла из печати вторая ее книга — «Русские героические сказки Сибири», которая является тематическим продолжением первой. В ней опубликованы 46 героических сказок, относящихся в основном к сюжетным типам «Три царства» (АТ 301) и «Звериное молоко» (АТ 315). Первый том вполне располагает читателей к тому, чтобы с большим интересом ожидать последующих книг серии.

Л. Г. Бараг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Е. Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1979, 207 с.

Выход в свет книги Елены Грозданової «Болгарская сельская община в XV—XVIII вв.» — значительное событие в исторической науке НРБ. Автор сумела убедительно доказать наличие у болгар сельской общины в тот исторический отрезок времени, в который внутренняя жизнь болгарского села была вообще изучена очень мало. Впервые в болгарской историографии проведено целостное исследование этого социального института, высказан ряд суждений по поводу его места и значения в историко-социологическом процессе, что, как известно, все еще остается предметом дискуссий в мировой науке [1].

Вопрос о сельской общине — один из наименее разработанных в историографии НРБ и почти не имеет традиции исследования в болгарской буржуазной науке, для которой был характерен слабый интерес к социально-экономическим проблемам [2]. В социалистический период эти проблемы, в особенности аграрные отношения, изучены достаточно фундаментально, но производственная и общественная жизнь на уровне микроструктуры общества долгое время не исследовалась специально. Е. Грозданова отмечает «подчеркнутое игнорирование вопроса о болгарской сельской общине... в болгарской историографии» (с. 7). Из приводимого в книге почти исчерпывающего обзора болгарской литературы (с. 8—14) явствует, что инерция начинает преодолеваться в 1970-е годы, о сельской общине все чаще пишут как о само собой разумеющемся факте, появляются работы, раскрывающие отдельные аспекты общинной организации (трудовую кооперацию, взаимопомощь, самоуправление и др.). Но остаются авторы, придерживающиеся мнения о социальной пассивности крестьянства при феодализме; признающие семейно-родственные связи, но умалчивающие о соседских. Сосуществуют и разные точки зрения на время формирования сельской общины (раннее средневековье или же период национального возрождения, охватывающий вторую половину XVIII в. и три четверти XIX в.) и т. д. Е. Грозданова называет среди главных причин сложившегося положения «неясность вопроса о сущности сельской общины и недопонимание

[1] См., например: *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973, с. 71—110; *Зак С. Д.* Методологические проблемы развития сельской общины.— В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; *Андреев И. Л.* К. Маркс о закономерностях развития общины.— Вопросы истории, 1979, № 12.

[2] См. об этом, например, *Тодоров Н.* Турската колонизация и демографските промени в българските земи.— В кн.: Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971, с. 69.